

— Брат? Старший брат!

Голос Е Цзюньшаня, звонкий и дерзкий, как у тигренка, донесся со двора раньше, чем появился он сам.

— Мы здесь! — отозвался Е Цзюньшу.

Лу-гэр тут же попросил спустить его на пол и со всех ног бросился навстречу:

— Второй брат!

Е Цзюньшу невольно улыбнулся. Выйдя из кухни, он увидел, как Сяо Шань ведет за руку Цинь-гэра с другого конца двора.

— Брат! Тлеть блат! Блат! — Цинь-гэру уже исполнилось три, самое время всю болтать, но из-за бесконечных бед в семье им особо никто не занимался. Малыш едва связывал два-три слова, но, увидев старшего, тут же бросил руку Сяо Шаня и, забавно переваливаясь на коротких ножках, припустил к Е Цзюньшу.

Тот быстро подхватил его и звонко чмокнул в щеку, от чего карапуз зашелся заливистым смехом.

— Брат, Лу-гэр! — Сяо Шань подошел ближе и преданно заглянул старшему в глаза. — Я сам помог Цинь-гэру одеться и обуться. А Пятой и Шестой еще спят. Я потрогал пеленки — там всё сухо, они не надули в кровать!

Е Цзюньшу ласково взъерошил волосы Сяо Шаня:

— Какой ты у меня молодец, всё умеешь!

От такой похвалы Сяо Шань выпятил грудь колесом, а глаза его засияли еще ярче.

— Раз ты такой взрослый, сможешь братику умыться и почистить зубы?

— Запросто!

— Вот и умница.

Е Цзюньшу отлил остатки теплой воды и, наблюдая, как Сяо Шань с крайне важным видом выдавливает пасту и учит младшего чистить зубы, вернулся с Лу-гэром на кухню. Он собрал завтрак на поднос и понес в главную комнату.

Близнецы пока спали, но опыт подсказывал — скоро поднимут сирену. Усадив средних есть в боковой комнате, он поспешил к самым маленьким.

Утро пролетело в суматохе и домашних делах. Когда наконец удалось уложить всех четверых на дневной сон, Е Цзюньшу взглянул на небо. Послеполуденное солнце светило всю — выдался редкий час тишины, когда можно было ненадолго выбраться из дома.

Е Цзюньшу подозвал Сяо Шаня и серьезно спросил:

— Шань-эр, мне нужно ненадолго уйти по делам. Вернусь до темноты. Сможешь присмотреть за братьями?

Это был его первый выход в свет после похорон родителей. Оставлять мал мала меньше одних было страшно, но если не начать искать способ заработать, они просто умрут с голоду — запасы таяли на глазах.

Почувствовав важность момента, Сяо Шань мигом посерьезнел. Он выпрямился и гордо хлопнул себя по груди:

— Брат, иди со спокойной душой! Я о младших позабочусь, комар не пролетит!

Е Цзюньшу: «...» Почему фраза «иди со спокойной душой» прозвучала так, будто его провожают в последний путь?

Как бы то ни было, он решился. Сердце всё еще было не на месте, поэтому он пообещал себе обернуться как можно быстрее. Достав единственный в доме тесак, он положил его в плетеную корзину, закинул её за спину, еще раз дал указания Сяо Шаню и, пересилив себя, вышел за ворота.

Пройдя буквально пару десятков метров, он увидел обнесенный глиняным забором двор. Ворота были распахнуты настежь, а оттуда доносились крики и шум. Судя по памяти, это был дом Мин-аму.

Е Цзюньшу подошел ближе, и голоса стали разборчивее:

— Ах ты, негодник! Будешь ты спать или нет?!

— Не буду! Не буду! Я гулять хочу!

— Совсем от рук отбился, паршивец!

«...»

Во дворе Мин-аму с выбивалкой для ковров в руках гонялся за чернявым пацаном лет восьми-девяти. Мужчина уже совсем запыхался, а малец резво скакал по всему двору, как заведенный.

Е Цзюньшу замер в паре шагов от ворот, наблюдая за этой комедией. Чернявый, заметив гостя, пулей бросился к нему:

— Брат Цзычжоу, спасай!

Этот сорванец был младшим сыном Мин-аму по имени Е Цзюньчжи.

— Ачжи, ты что, опять аму из себя вывел? — усмехнулся Е Цзюньшу.

— Да ничего подобного! Это аму придирается. Я целый день в постели провалялся, он опять спать заставляет. Ну как тут уснешь? — возмутился Ачжи. — А мы с Саньши договорились у въезда в деревню поиграть, мне уже пора!

— Поиграть ему! Только и знает, что носиться. А кто вчера от боли в животе рыдал, а? — в сердцах крикнул Мин-аму.

Ачжи мгновенно вспыхнул и запрыгал на месте:

— Никто не рыдал! Тебе показалось! И вообще, я уже здоров!

Заметив смешинки в глазах Е Цзюньшу, пацан окончательно смутился. Он ловко, словно обезьянка, метнулся к выходу:

— Ладно, я побежал!

— А ну вернись! — Мин-аму пробежал пару шагов и остановился, тяжело дыша. — Вот же прохвост, до веснушек меня доведет!

Е Цзюньшу мягко вставил:

— Мин-аму, не переживайте. Раз он такой бодрый, значит, точно поправился.

— Эх, ладно, пусть бежит, вьюн эдакий, — Мин-аму понемногу успокоился и перевел взгляд на Е Цзюньшу. — Чжоу-цзы, как вы там? Я утром на поле был, даже заглянуть не успел. Как дети? Сыты?

Е Цзюньшу внимательно дослушал и ответил:

— Голодными не сидят, всё хорошо. Всё утро возились, пообедали и сейчас спят. Сяо Шань за ними приглядывает, а я решил немного прогуляться.

Увидев снаряжение парня, Мин-аму сразу понял, что тот намылился в лес. Отговаривать не стал, только наказал ходить по краю и не соваться в чащу. Е Цзюньшу послушно кивал.

Мин-аму немного подумал и добавил:

— Знаешь что, у меня на вторую половину дня дел особых нет. Пойду-ка я к вам, присмотрю за мелкими. А ты иди в горы со спокойной душой, не дергайся. — Ему всё равно нужно было подлатать одежду да подшить пару туфель, а где сидеть с иглой — разницы никакой.

Е Цзюньшу просияло лицо:

— Огромное спасибо, Мин-аму! — С взрослым в доме за тыл можно было не переживать.

— Иди уже, давай. Я скоро буду, — Мин-аму махнул рукой и по-деловому скрылся в доме.

Запомнив эту доброту, Е Цзюньшу отправился в путь. Шагая по проселочной дороге, он видел, как реальные пейзажи — травинка к травинке, поле к полю — сливаются с картинками из его новой памяти. А ведь здесь неплохо: горы, чистая вода, воздух... Жизнь течет размеренно, люди добрые. Жить можно, были бы деньги на обед.

Он начал подъем по натопанной тропе. У подножия и на склонах, где постоянно шастали односельчане, ловить было нечего: ни грибочка, ни ягодки, даже сухие ветки все подобраны. Безопасные зоны вычистили до блеска. Пришлось углубляться в чащу.

Тело, не привыкшее к нагрузкам, быстро сдало: Е Цзюньшу задыхался, пот катился градом. Он глянул на солнечные лучи, пробивающиеся сквозь кроны, утер лоб рукавом и присел в тени дуба.

Он добрался до границы между «обжитым» лесом и дикими зарослями. Кустарник стал гуще, колючки цеплялись за одежду, а сорняки вымахали в рост человека. Тропинка, по которой редко ходили, почти исчезла под травой.

Отдохнув, он двинулся дальше, выудив из корзины тесак. В глубоком лесу шутки плохи. В эту

эпоху, когда охота никак не регулировалась, он вполне мог встретить каких-нибудь хищников.

Мешающие ветки и лианы он либо отодвигал, либо безжалостно рубил, не забывая оставлять на видных местах метки. Забредая вглубь впервые, в таком месте легко потерять ориентацию, так что осторожность не мешала.

Прорубая путь, он внимательно смотрел по сторонам. Попадались яркие ягоды, но, не найдя их описания ни в одной из своих памятей, он благоразумно их не трогал.

Спустя время ему наконец улыбнулась удача — он наткнулся на дикие ягоды, которые отец когда-то приносил из леса. В деревне их называли «чернобрюшками». Маленькие, сладкие, отлично утоляли жажду. Хоть от них язык и зубы становились фиолетово-черными, их все любили за сладость.

Конец сентября — сезон уже отходил. Ягод на кустах осталось немного, многие сморщились от солнца или уже опали. Е Цзюньшу закинул в рот несколько штук — вкус был насыщенным, даже слаще, чем в воспоминаниях. Съев с десятков, он бережно собрал остатки в большой лист и спрятал в корзину — гостинец для братьев.

Он шел дальше. В самой глубине троп не было совсем — он шел напролом, выбирая места подступнее. Чтобы не заблудиться, он ставил метки всё чаще. Здесь деревья стояли так плотно, что солнце почти не доставало до земли. Жара сменилась прохладой, а когда ветер шелестел листвой, по спине пробегал холодок.

Огромная гора, и он в ней — единственный человек. В такой тишине в голову лезут всякие мысли, атмосфера давит. Обычный двенадцатилетний пацан давно бы дал деру, но внутри Е Цзюньшу сидел взрослый мужчина, так что он сохранял спокойствие, просто предельно сосредоточился.

Риск оправдался. Гора начала делиться своими сокровищами: то тут, то там он находил съедобные коренья, грибы и плоды. Корзина быстро тяжелела. Жаль только, никакой живности не попадалось — то ли к счастью, то ли к сожалению.

Глянув на небо, он понял, что пробродил в лесу весь остаток дня. Свет померк, лес начал оживать своими ночными звуками — из глубины доносились крики птиц, возвращающихся в гнезда. Ночью в лесу в разы опаснее, пора сматывать удочки.

Он решительно повернул назад, быстро спускаясь по своим меткам. И тут, на полпути, он услышал очень знакомый звук. Глаза Е Цзюньшу азартно блеснули. Он раздвинул заросли и двинулся на шум.

Да, с именами отец Е Цзюньшу явно не стал мудрить — взял знаменитую цитату: «В горах книг есть путь, и прокладывает его усердие» (Шу-шань-ю-лу-цин-вэй-цзин). Запомнить проще некуда!

А вот мысли нашего новоиспеченного папаши: Е-нянька-Цзюньшу: «Вот так жизнь... Еще ни с кем не встречался, а уже стал многодетным отцом. Ну и расклад». Сяо Шань (Е-второй): «Брат, Цинь-гэр упал!» Сяо Шань: «Брат, брат! Пятый и Шестой наделали в штаны!» Сяо Шань: «Бра-а-ат!..» Е Цзюньшу: «Бегу, бегу!»

<http://bllate.org/book/15226/1343716>